

1. Дело о неумелом
косце

Как стадо демонов, во мне
сто тысяч душ.
И каждая кричит...

А.Добролюбов

ЕДВА отогрело апрельское пыльное солнце поля и проселки, отправился куда глаза глядят, «в народ», из века девятнадцатого в двадцатый, в изгоящее странствие на всю свою дальнейшую жизнь родовитый отпрыск царского сановника и первый русский поэт-символист Александр Михайлович Добролюбов. За плечами двадцатидвухлетнего студента-филолога столичного университета — тощая котомка, на самом дне которой — где подальше — притаил он свой дебютный сборник стихов с таинственным, завлекающим названием, заимствованным у философа Спинозы: «Natura naturans. Natura naturata» («Природа порождающая. Природа порожденная». — СПб., 1895). «Свалившийся на голову кирпич» — так окрестили ценители нового стиха эту скромную, но новаторскую — «с причудами» — книжицу. А «Литературная энциклопедия» (1930) написала так: «Это была первая «желтая кофта» русского декадентства».

В рукописном отделе Пушкинского дома пытливая исследовательница Е.В.Иванова отыскала важный документ — воспоминания добролюбовского одноклассника по гимназии и университету Владимира Васильевича Гиппиуса, ставшего известным поэтом, прозаиком, критиком и — «одним из самых выдающихся петербургских преподавателей русской словесности» (С.А.Венгеров). Вот как описывает он канун ухода Добролюбова в свои скитальчества:

«Он весь переменялся страшно. В середине лета <...> пошел в Москву, обошел все монастыри и в августе вернулся в Петербург, чтобы отсюда уехать в Соловецкий монастырь послушником. Я был у него два раза. Он жил в маленькой комнате... В комнате только стол, стул и на полу тюфяк, над ним икона <...> Я спросил, что с ним <...> Он говорит, что знает истину и должен сказать ее людям. Я спросил, отчего он уходит. Говорит, он должен наказывать себя. Я спросил, что есть истина? Отвечает, что может теперь говорить, что он «нечистый сосуд» <...> Он говорил, что не верил, был жесток и не любил людей. Что он любил разное и служил разному, теперь любит единое и служит единому...»

ПРОИДЯ за лето и осень Олонецкую и Архангельскую губернии, к зиме 1898 г. «рыцарь странствующего ордена» (так студент назвал себя сам) оказался на студенческих Соловках монастырским послушником. А к весне 1900 г., сбросив с ног опостылевшие верижные оковы и цепи «трудника» (он носил их на себе больше года), поэт перебрался в Поволжье. И с этой поры следы его то надолго — на годы — теряются, то вновь отыскиваются: или сам подает весть о себе друзьям и родным, или обнаруживается, что подозрительный странник под арестом (это случалось не раз и не два).

В «ДОБРОЛЮБОВСКОЙ» папке, переданной мне О.П.Вороновой (о ней рассказывается дальше), оказался любопытный документ, озаглавленный (И.П.Ярковым), «Дело о неумелом косце», с подзаголовком: «По материалам Куйбышевского областного архива. Сообщение Ф.Г.Попова». Приведем основной текст этого «дела»:

«Донесение Бузулукского уездного исправника начальнику Самарского губернского жандармского управления от 20-го июня 1903 года:

Пристав 2-го стана рапортом от 14 июня донес мне, что на днях в с. Алексеевке он, пристав, узнал, что в Патровке, той же волости, у крестьянина Саблина на покосе с его работниками косил какой-то неумелый косец и, по-видимому, из лиц привилегированного сословия. Пристав прибыл на арендо-

ванный Саблиным удельный участок, лежащий близ с. Алексеевки и дер. Ново-Троицкой, и действительно нашел косца не из местных крестьян, хотя он и в крестьянском платье. На спрос пристава, кто он и откуда, неизвестный человек предъявил ему свидетельство, выданное приставом 1-го участка Московской части г. С.-Петербурга от 15 апреля 1903 г. за № 165 сыну действительного статского советника Александру Михайловичу Добролюбову. На спрос пристава, что его заставило нести такую тяжелую работу, Добролюбов ответил, что он любит этот труд — Богом данный, который заповедан Богом Адаму. Затем из слов Добролюбова видно, что он в этой местности уже не в первый раз, бывал в с. Максимовке и других молюканских селениях, вообще держится в среде молюканского населения. По произведенному приставом негласному дознанию об образе жизни Добролюбова выяснилось, что он в праздничные дни бывает на соборованиях в молюканских молитвенных домах. Предлагает жить по Евангелию, любить ближнего и

чтобы спасти Александра Михайловича от тюрьмы и каторги. И ей это удалось сделать: «непугетого» сына оставили в покое, хотя и не сняв «негласное расследование» и наблюдение.

К этому же времени до столицы докатились вести о том, что поэт основал секту добролюбовцев и сочиняет для «братков» духовные песнопения, «крамольные, запретные» (их в архивах сохранилось много). Для нас же тут важно: «сочиняет». Не сразу, не скоро отпустил его этот дар Божий. Да и отпустил ли? — сомневаются исследователи. Понадобились десятилетия для того, чтобы в нем только унялся, затаился дух творческого горения, но жажда стихотворства так и не утолилась никогда.

ПО СВИДЕТЕЛЬСТВУ современников, Добролюбов (вопреки утверждениям энциклопедических справок о нем) не переставал размышлять и рассуждать о возврате к писательству. И друзья всячески поддерживали в нем это стремление. Брюсов в 1900 г. издает его вторую книгу «Собрание стихов», открыв

Я ли весна иль грущу о
весне?

Воды ль струятся? кипит

ли вино?

Все ли различно? все ли

одно?

Я ль в поле темном? я ль

поле темно?

Отрок ли я? или умер

давно?

Все пожелал? или все

суждено?

ДОБРОЛЮБОВ ворвался в поэзию необычно: то ли стихами, то ли притчами, то ли молитвами, которые были, по его оценке, «слишком для немногих». Однако превзошел он всех вовсе не стихами, а тем, что и судьбу свою выстроил декадентски: странно, загадочно, непонятно. Именно поэтому, как вспоминал Андрей Белый, Добролюбова титуловали «декадентом, возведенным в квадрат», поэтом, обреченным себя на вечное страдальческое скитальчество: он — как библейский «Вечный жид», Агасфер, покаянно искал и не находил ис-

Е.В.Иванова, много лет отдавая изучению загадочной личности «духовного труженика», в упомянутой выше статье справедливо отмечает: «...Как авторитет жизненный, как образец поведения, Добролюбов ставился символически очень высоко». И приводит далее несколько важных подтверждений. «Наш идеал — подвижничество», — писал Валерий Брюсов Андрею Белому, — но мы робко отступаем перед ним. И сами осознаем свою измену, и это осознание в тысяче разных форм мстит нам... Двое разве смелее: А.Добролюбов и Бальмонт. И я думаю, что у Добролюбова нет этих криков «зачем?» — хотя он и облегчил свою задачу, назначив себе строгие усты, надев тяжелые вериги, которые почти не дают ему свободы двигаться».

НО БОЛЕЕ чем кого-либо другого встречи и беседы с Добролюбовым поразили Дмитрия Мережковского: «Я не сомневаюсь, — написал он в статье «Не мир, но меч», — что вижу перед собой святого. Казалось, что вот-вот засияет, как на иконах, золотой венчик над этой склоненной головою... В самом деле, за пять веков христианства, кто третий между этими двумя — св. Франциском Ассизским и Александром Добролюбовым? Один прославлен, другой неизвестен, но какое в этом различие перед Богом?»

Скитальческие дороги однажды, в сентябре 1903 г., привели Добролюбова в Ясную Поляну, после чего в дневнике Толстого (кстати, тоже мятущегося гения, мечтавшего о том, чтобы уйти куда глаза глядят) появилась запись: «Был Добролюбов, христиански живущий человек. Я полюбил его». До последних своих дней Толстой заинтересованно следил за его подвижнической жизнью и проповеднической деятельностью (об этом Е.В.Иванова обстоятельно рассказала в статье «Один из темных визитеров», опубликованной в 1980 г. в альманахе «Прометей», № 12).

Служил ли Добролюбов единому, как предполагал Вл. Гиппиус? Нет, этого-то у него и не получилось: по-прежнему «он любил разное и служил разному». От религиозного фанатизма до бесшабашного сатанизма — вот размах его метаний и идейно-нравственных исканий. У Брюсова в дневнике читаем: «А.М.Д. обвиняется в оскорблении святости и величества. Дома тоже перебил иконы... Ему грозит каторга». А по соседству иная запись: «В Соловецком монастыре Добролюбова совсем увлекли. Он сжег свои книги и уверовал во все обряды».

Не нашел Добролюбов истины ни в православии, ни в толстовстве, ни в традиционном сектантстве и создал верование свое собственное, производное то ли от молюканства, то ли от толстовства, то ли от бегунов, то ли от «пляшущей церкви» хлыстов, но — воодушевляемое высочайшими нравственными устремлениями, организуемое простыми, но привлекательными ритуалами-обрядами, сопровождались которые самозабвенными духовными песнопениями — «распеваками»; автор их слов и напева — он сам.

НАЧАВ С ДЕСЯТКА искренних приверженцев, Добролюбов вскоре без труда умножил свою паству до тысяч и — покинул ее, влекомый новыми призраками-целями. Русский Север, Самара, Оренбург, Предуралье, Сибирь, Средняя Азия, Кавказ — такова география его странствий. К какому вероучению он стремился? Чего искал? Наверное, прежде всего — усмирения своей непомерной гордыни, едва ли не самого мерзкого греха истинного христианина. А этот грех за ним водился в преизбытке. Как вспоминает П.Перцов, «по силе фанатичной самовлюбленности и полнейшего самососредоточения на своей только личности это был совершенно исключительный человек». «Добролюбов — это неукротимая война личной воли против всяких «нормальностей», — отмечает другой мемуарист, Иван Коневской. Но вместе с тем именно этой мощно излучающейся силой духа и характера Добролюбо-

(Продолжение на с. 32.)

СВЯТОЙ РУССКОГО СИМВОЛИЗМА

А.М.Добролюбов: загадки странной судьбы

100 лет тому назад, весной 1898 года, случилось событие, казалось бы, совершенно малопримечательное, хотя и странное, загадочное, непредвиденное, и потому с удивлением и тревогою отозвались на него самые яркие умы Серебряного века русской литературы — Брюсов, Мережковский, Вл. Гиппиус, А.Белый, Блок... К «юбилею» этого события оказались (вряд ли намеренно) приуроченными две солидные публикации, только что пришедшие к читателям: интересная информативностью статья Е.В.Ивановой «Александр Добролюбов — загадка своего времени» (журнал «Новое литературное обозрение», 1997, №27) и ставшая интеллектуальным бестселлером монография культуролога Александра Эткинда «Хлыст. Секты, литература и революция» (М.: Кафедра славистики Университета Хельсинки; НЛО, 1998), в которой одним из важных персонажей выведен опять же Добролюбов.

Что же это за событие, так заметно потревожившее общественное мнение?

Добролюбов Александр

Р.Соловьев

СПБ. ПЕТЕРБУРГ.

вообще делиться с нуждающимися и не брать у рабочего вины доли, а делить пополам, мяса не ест и советует не есть и другим, употреблять в пищу растительные продукты. Идей противоречивых высказывает, хотя от молюканского населения трудно узнать истину. В среде молюканского населения он пользуется любовью и большим доверием и бывает у них в свободное время года от работ, в среде же крестьян православного вероисповедания совершенно не держится и почти что с ними не беседует; книг или каких-либо брошюр нелегального содержания не имеет, имущества при себе никакого не имеет.

О вышеизложенном имею честь уведомить Ваше Высокоблагородие и присовокупить, что за Добролюбовым ведется негласное наблюдение.

Уездный исправник — подпись». (ГАКО, ф. 468, д. 239, л. 61).

ЭТО ДОНЕСЕНИЕ всего за месяц проделало путь по фискальным инстанциям Российской империи и легло на стол С.-Петербургского градоначальника, который 26 июля 1903 г. на нем начертал:

«О Добролюбове имеются подробные сведения в розыском циркуляре Департамента полиции от 1 марта 1902 года за № 1514.

Согласно сообщению Департамента полиции от 1 марта с.г., произведенное об А.Добролюбове дознание в порядке 1035 статьи Устава Угол.овного Судопроизводства прекращено ввиду признания Добролюбова, в установленном порядке, страдающим расстройством умственных способностей» (д. 239, л. 60).

Добролюбов, этот блистательный эрудит, «свой» в среде интеллектуальной элиты, — всего лишь сумасшедший? Конечно же, нет! — утверждают современники, общавшиеся с ним в эти годы. Мысль объявить «в установленном порядке» об умственном расстройстве поэта подсказал кто-то его матери (Мария Генриховна была статс-дама, фрейлина двора),

ее своей первой стиховедческой работой «О русском стихосложении». Здесь же и эссе другого талантливого символиста — Ивана Коневского (Ореуса) «К исследованию личности Добролюбова» (статья стала первой в ряду многих последующих, посвященных духовному миру поэта: эстетизм? декадентизм? сектантство-вероотступничество?).

В 1905 г., опять же тцанием друзей, появляется третий, и последний, сборник произведений «воинственного монаха русского символизма» (О.Мандельштам) — «Из книги невидимой» (ударение автора), в которую вошли не только стихи, но и статьи, письма, эссе.

В поэзии символизма сердцевиной ее обличия обнажается прежде всего в мистике, в отвлечении от быденного и вещного, в некоем воспарении к горнему. И это, конечно же, не могло не отразиться и на образе жизни самих творцов декаданса: в каждом из них выдвигался неземной ореол романтики, донкихотства, несдерживаемой восторженности или тягостной раздумчивости о бренности жизни (как у Сологуба: «О смерть! я твой»), каждый придумал свою Дульсинею, Прекрасную Даму (как Блок) и воспевал Вечную Женственность (как Вл. Соловьев), задавался тревожными вопросами, перечисленными в добролюбовском шедевре:

Встал ли я ночью? Утром

ли встал?

Свечи задуть иль зажечь

приказал?

С кем говорил? Один ли

молчал?

Что собирал? что

потерял?

Где улыбнулся? Кто

зарыдал?

Где? на равнине? иль в

горной стране?

Отрок ли я иль звезда в

вышине?

Вспомнил ли что иль

забыл в полусне?

Я ль над цветком иль

могила на мне?

купления своей греховности. Это был подвиг жизни Добролюбова — именно так восприняли его «уход» современники. В названной выше монографии А.Эткинда приводится интересное тому свидетельство критика и литературоведа эпохи символизма Александра Закржевского.

«Это — бродячая Русь, — пишет исследователь в книге «Религия. Психологические параллели» (Киев, 1913), — Русь подземная, мистическая сила, редко воплощаемая, это те, кто творят невидимую ее... К ним относятся и их символизирует Александр Добролюбов... Личность его выходит из рам, представляет из себя что-то сверхжизненное, какую-то стихийную силу русского народа, его богатство, его святое, его надежду... Именно в нем нужно искать тайну России <...> Он, как пишет Ницше и Толстой, возненавидел книжную мудрость <...>, но он пошел дальше из <...> к полям, к земле своей тихой, любимой <...> Припал к зеленой груди земли <...> Познал страдальческую силу народную, каторжный труд, в котором радость особенная, очищающая, освящающая».

После этой цитаты А.Эткинд комментирует: «Литературными образами для перерождения Добролюбова были, конечно, пушкинские «Пророк» и «Странник». Почти каждое слово этих стихотворений соответствует судьбе разочарованного поэта, который превратился в странствующего пророка». И действительно, Пушкин словно предугадал явление Добролюбова, когда писал: «духовный труженик — влача свою веригу...» Добролюбов оказался в числе тех многих, которые услышали «Бога глас», к ним воззвавшему:

«Встань, пророк,

и виждь, и внемли,

Исполнись волею моей,

И, обходя моря и земли,

Глаголом жги сердца

людей».

Добролюбов Александр М.

01.09.98

СВЯТОЙ РУССКОГО СИМВОЛИЗМА

(Продолжение.
Начало на с. 31.)

бов магнетически притягивал, околдовывал и увлекал. А его подвиг ухода на самонистязание и перевоспитание опрощением, к свободе, к независимости ни от кого и ни от чего привел в восторг и друзей и недругов, вызвал у них трудно сдерживаемое стремление последовать его примеру.

«Если Вы через годы отшельничества и молчания, — написал ему Брюсов 11 августа 1898 года, — принесете живую душу, столь же ясную и столь же светлую, как ныне она, все будет Вам возможно. Не ступишь на змею, и не ужазит; если кто ядовитое вкусишь, не повредит. Скажешь, и исполнится. Возвнешь, и мы пойдем за тобой, и падем ниц, и воскликнем все: «Учи, ибо Ты власть имеющий».

ДОБРОЛЮБОВСКИЙ подвиг жизнестроительства изволновал не только Брюсова, но и Л.Толстого, А.Белого, С.Соловьева, К.Бальмонта, А.Блока, Л.Семенова, Н.Клюева... «Мне мечталась, — вспоминал А.Белый, — тихая, праведная жизнь нас всех вместе (т.е. Белого, Блока, С.Соловьева, Л.Д.Блок. — Т.П.), чуть ли не где-то в лесах или на берегу Светлояра <...> И казалось, что нет в этом ничего невозможного, — да и не было ничего невозможного: ведь ушел же Добролюбов, ушел к Добролюбову светский студент Л.Д.Семенов через два с лишком года после этого, ушел сам Лев Толстой, пришел оттуда, из молитвенных чаш и молен Севера, к нам сюда Николай Клюев, наконец я сам уходил (не на Восток, правда, а на Запад) уже в 1912 году, ища не старцев, не Китежа, а, может быть, рыцаря Грааля... Не удивительно, что на заре «символизма», на заре нашей культурной жизни, нам казалось, что уйти всем вместе из старого мира и легко и просто, потому что Новый Мир идет навстречу к нам».

Современники оставили немало любопытных воспоминаний о том, каким предстал перед ними поэт-странник в его редкие появления в столицах. Вот, например, портрет Добролюбова (самый выразительный) «кисти» А.Белого:

«...Передо мною был крепкий, ядреный, мужичий детина; и — думал я, что это брюсовский дворянин; я видел много толстовцев и всяких мастей опрощенцев, ходивших в народ; а такого действительного воплощения в «молодца», пишущего заработанным на вологодском морозе румянцем, еще не видел; не представлял себе даже, что это возможно. К примеру сказать: Клюев перед Добролюбовым с виду — трухлявый; этот же — как тугопучный осиник: пах листом; сердцевина — белешая, крепкая; глаза — сафировые; а — гнусь; такие типы встречались в дебри лесной, близ медвежьих берлог: лесники, сторожа, дровосеки в безлюдии гложом сгибаются, а на медведя — с рогатиной ходят...»

Он тихо присел за столом, положивши на скатерть свои две руки: пальцы в пальцы, а голову — наискось; тихо покачивая бородой, он беседе нашей внимал; перетаптался под столом двумя валенками, энергично плечами вода, очевидно, привыкший таскать за плечами поленья, кули и заплечную сумку; нос — длинный, прямой; губы — сочные, яркие, тонкие; профиль — не тощий и продолговатый; усы, борода — лисий хвост; а глаза, не моргающие, без экстаза, учитывали — разговор, крошки хлеба на скатерти, все мои движения; он нас как бы приветствовал взглядом с простою улыбкой, очень идущей к нему, отзываясь на наши слова без слов.

Как бы взяв в свои мысли нашу беседу, он стал на нее отзываться, вкрапляя претрезвые, краткие свои фразы, вызывающие к напряженному в себя нырянию, чтобы ответить ему вполдн. <...>

Ни тени юродства!

Но было мне трудно с ним, он

все подводил. «Верно, так, еще шаг, — и вы оба уткнетесь в «мое». И такую спокойную веру в «перерождение» наше в его веру несло от него, благодушно взиравшего на «окаянства», что мне сделалось стыдно, и я, оборвав разговор, привскочил и с прищарками высочил из-за стола:

— «Мое почтенье-с!»
Запомнилось: мы говорили о М.Метерлинке, Рейсбруке, о чем-то еще; Александр Добролюбов спокойно, уверенно, с книгой драм Метерлинка в руках, длинным пальцем показывая тексты; мол, — вот: так, не так; я же ждал изувера, проклявшего литературу. Досадовал тон превосходства, быть может не сознанный».

2. Раритеты Ольги Вороновой.

СТРАННАЯ жизнь, загадочная судьба первого русского символиста до сих пор влечет к себе многих исследователей, понимающих, что в нем — ключ к пониманию глубинных истоков литературного декадентства рубежа веков. В числе таких завлеченных оказалась и Ольга Порфирьевна Воронова (1924—1985), известный искусствовед и литературовед, автор семнадцати книг, моя школьная учительница литературы в Кисловодске. За несколько дней до ее кончины мне позвонил Александр Александрович Воронов, ее муж, искусствовед: «Олеся просит вас срочно приехать».

В тот день Ольга Порфирьевна вручила мне с просьбой: «Поработайте!» — толстые папки из своего бесценного архива. (Здесь в скобках замечу: перед этим она вместе с супругом передала в дар Смоленскому художественному музею-заповеднику свою огромную коллекцию — многие сотни живописных полотен.) Среди подаренных мне раритетов были неизданные рукописи А.С.Григорина и публикации Вороновой о нем (Ольга Порфирьевна в 1953 г. оказалась в одном ГУЛАГе с женой Грина — Ниной Николаевной и подружилась с ней) — этот дар я безвозмездно передал Феодосийскому гриновскому музею. Три стихотворения Грина из этого собрания опубликовало «КО» в 1997 г. (№ 23). В папках были также письма, стихи, фотографии и другие документы эффуриста Василиса Гнедова, Рюрика Ивнева, Сергея Городецкого, Бориса Зайцева и — Александра Добролюбова. Среди последних — рукопись незавершенной статьи, которую О.П.Воронова в 1974 г. готовила для публикации в одном из журналов. Вот фрагмент этой статьи:

«Об этом человеке мне предстояло писать для «Литературной энциклопедии» (см.: Краткая литературная энциклопедия. В 9 тт. Т. 2. С. 715. — Т.П.). Вначале все казалось просто — всего три книги и удивительно эффектная биография. Биография, которая прослеживается, примерно до 1910 года. Позвольте, а что же дальше?»

А дальше — только одно упоминание о Добролюбове, в дневниках Брюсова. Добролюбов приходил к нему в начале революции, тихий и задумчивый, подолгу молчал и обращался к Брюсову и его жене «брат Валерий» и «сестра Иоанна».

Целую неделю я обзванивала библиографов и литературоведов. «Добролюбов? Последнее упоминание в 1922. Видно, вскоре умер. Где-то в двадцатых годах».

Нет, не хочется удовлетворяться этой датой. Еще раз внимательно продумаю веки жизни Добролюбова, с кем был знаком, с кем дружил, с кем встречался...

Вот! У Льва Толстого, говорил с ним о смысле жизни. Ответы Толстого его не удовлетворили, ушел разочарованный. Но ведь все-таки был. Следовательно, о нем могут знать люди, изучающие Толстого. Надо спросить Гусева.

Николай Николаевич Гусев, профессор, бывший секретарь Толстого, знает все, что когда-либо

писали или говорили о Льве Николаевиче. Знает и помнит цепкой, несмотря на преклонные годы, — памятью. Кроме того, это очень хороший, добрый и отзывчивый человек, всегда готовый поделиться своими знаниями.

Николай Николаевич выслушал меня, улыбнулся и — начал чудеса.

— В Чистом переулке, — сказал он, — в третьем доме от угла

А.М.ДОБРОЛЮБОВ.

Рис. В.А.МИКЛАШЕВСКОЙ.
Декабрь 1938 г.

живет вдова писателя Миклашевского-Неведомского... Сходите к ней. Добролюбов был у них <...> значительно позже своей предполагаемой смерти.

Я пошла по указанному адресу, меня переадресовали, потом еще и еще раз, и я долго ходила по каким-то милым и гостеприимным старушкам, пока не попала в такую же милую и приветливую семью Сенкевичей. Татьяна Николаевна Сенкевич, правнучка Петра Алексеевича Кропоткина (теоретика анархизма, географа и геолога. — Т.П.), родственница Миклашевских, и ее муж — Георгий Александрович с радостью помогли мне в поисках. Они дали мне адрес сестры Добролюбова и разыскали бумаги, оставшиеся у них после смерти Миклашевских».

В ЧИСЛЕ редкостных бумаг, оказавшихся в архиве Вороновой, — карандашная рукопись В.А.Миклашевской, озаглавленная «Справка из жизни»; к ней приложена фотокопия карандашного рисунка, на обороте которого читаем надпись художницы: «Александр Михайлович Добролюбов. Декабрь 1938. Рисунок с натуры, сделанный без его ведома В.А.Миклашевским. Беседуем с Миклашевским М.П. (Неведомским). Приехал, по его словам, с Кавказа». Вот он, перед нами, этот неизвестный текст, воскрешающий Добролюбова, похороненного в публикациях несколько раз и в разные годы:

«Как-то вечером, зимой 1938 года, мы с моим мужем М.П.Миклашевским (псевд. Неведомский) были дома, когда кто-то постучал в дверь. Вошел незнакомый человек, одетый в рабочую одежду, — очень интеллигентным лицом. Он представился А.М.Д. (Александр Михайлович Добролюбов. — Т.П.), без каких-либо пояснений, почему он пришел именно к нам. Позднее я узнала, что он был в Москве проездом на Кавказ, из Ленинграда, где он гостил у своей сестры Ирины Мих., жены моего двоюродного брата Е.С.Святловского — видимо, от них он узнал наш адрес.

До этого случая — прошло 40 лет, как А.М. ушел из интеллигентской жизни и жил физическим трудом. Из разговора выяснилось, что Алек. Мих-ча интересовали мысли и жизнь интеллигенции в послереволюционном времени.

Сам А.М. тогда и до самой смерти прожил век жизнью простолюдины. В этот период он работал печником на Кавказе, переходя из одной местности в другую. У А.М. были огрубевшие руки и, что интересно, — говор простолюдина, несомненно безо всякой нарочитости. Сам А.М. в этот вечер мало высказывался и с большим вниманием слушал моего мужа. Он прочел одно свое стихотворение, в котором в нескольких местах рифма определялась на словах с ударениями, употреблявшимися среди простонародья. На вопрос М-хилаха П-етровича, почему он так делает, А.М. твердо отстаивал свое право на это (к сожалению, я забыла его аргументацию).

Приведу еще небольшую черточку, характеризующую А.М. Живя у сестры и ее мужа в Ленинграде, А.М. как-то вернулся домой, когда все уже спали. Он не стал их будить, и утром сестра, выйдя на площадку лестницы, увидела А.М., спящего свернувшись клубком. Дело было зимой.

По словам Святловских, А.М. проявлял к ним крайнюю деликатность и полное равнодушие к своим удобствам. У нас с мужем осталось от А.М. впечатление глубокой, своеобразной идейности, искренности и простоты. Никакого желания «проповедовать» он не проявлял. А.М. и М.П. ходили к Вересаеву, на ко-торого А.М. произвел впечатление, и В-икентьевич как-то читал нам свои воспоминания об этой встрече. После отъезда на Кавказ А.М. написал несколько писем и прислал стихотворение, которое подтверждает высказанное о форме стихосложения, им принятой, а содержание говорит о взглядах его того времени. М.П. никогда не вступал в переписку с кем бы то ни было и не отвечал А.М., почему переписка скоро прекратилась. Насколько мне известно, А.М. умер на Кавказе во время войны, — хотя в 38 году он выглядел очень крепким и не старым человеком. Незадолго до смерти А.М. женился, как я слышала, на простой женщине. Прилагаемое письмо А.М. к сестре Брюсова (Надежде Яковлевне; 1881—1951; она была в молодости тайно влюблена в Добролюбова и даже на несколько месяцев ушла с ним в странствия. — Т.П.) было вложено в письмо к М.П., оно пришло, когда мы уехали в Фергану, и затерялось у получивших его моих родственников, попало мне в руки много спустя. Когда его нашли, и сестры Брюсова не было уже в живых. 2 упомянутых им письма также потеряны.

В.А.Миклашевская.

К ЭТИМ воспоминаниям Миклашевская приложила в своей записи стихотворение Добролюбова:

Прощайте, вериги,
недолгие спутники грусти,
Холодным железом
живившие члены,
Как жезл чародея, меня
под одеждой хранившие,
Со мной поведишь
столько несчастий!
Как в море безжизненном,
как в пристальных взорах,
Стихийная общая сила
в ржавеющих кольцах и сгрях.
Прощайте, свободные,
тайные речи,
Великие мысли ночей
полусонных,
Служившие миру иль
близкие миру...
Прощайте, бывшие друзья
и богины!
В мгновенье вериги меня
оживили
И речи звучали, как
лучший порыв пробужденья,
Несознанно что я громил,
— но вериги
Духовные в сердце звучали
глубоком.
Мой день настает!
Обманувшие годы
Забуты и странн
припомнить все благо
былого.
Кто судит порок,
опровергнутый вечною целью?
Чужой как чужой он
владел этим сердцем,
И вызов бросаю грехам
своевольным!

Прощайте, друзья и богины
былого!

Бесстрастно, как яд,
я давно приготовил измену,
Оставил в передней

доспеха лоскутья,
И скрылся под полночь за

дальним порогом,
И тихо бегу в полутемной

равнине.
О горе! Нагой возвращаюсь

в великую землю,
И смертью навеки

предутренний взор опьянен,
Безумец, встречаю

светило ликующим кликом.
А небо дарует мне сердце

порока.

О.П.Воронова не рассказала (тогда этого делать было еще нельзя: опасно) о своем знакомстве и переписке с репрессированным куйбышевским журналистом Ильей Петровичем Ярковым (1892—?). На его неизданные работы (они теперь в коллекции М.Поповского в Губерновском архиве; Станфорд, Калифорния, и в частных собраниях, в том числе моем) ссылаются ныне и автор монографии А.Эткинд, и Е.В.Иванова, и другие исследователи. Это был «добролюбовец» со стажем — с 1918 года. Кропотливо, дотошно и, оказывается, с риском для жизни собирал Ярков документальные свидетельства о судьбе Добролюбова, записывал его духовные стихи-распевы, легенды о нем, воспоминания, письма и за это свое, как мы только сейчас понимаем, благородное пристрастие был в тридцатые годы отправлен на сталинскую каторгу. Все им собранное до ареста было изъято при обысках и не возвращено. Он выжил и свои увлеченные разыскания не оставил после освобождения в шестидесятые годы.

В АРХИВЕ Вороновой, переданном ею мне, сохранились только три письма И.П.Яркова к ней, а также подготовленные им и неизданные сборники: «Для народа» (стихи и песни Добролюбова, 1965; в монографии А.Эткинда указана дата: 1970 — очевидно, перепечатки), «Легенды о Добролюбове» (1965), «Какими я их знаю. Рассказы о последователях «брата Александра» Добролюбова (1967), рукописи статьи «Кем умер Александр Добролюбов?» (1965), копии жандармских донесений 1903 г. из Куйбышевского областного архива, озаглавленные «Дело о неумелом косце», копии трех писем Добролюбова к поэту и переводчику Б.В.Беру (1871—1921), копия стихотворения Добролюбова «Памятник» («Я памятник воздвиг, но не себе — народу...», 1939), копия добролюбовского отрывка под названием «У подножья революции», наконец, его открытки последних лет, позволяющие уточнить с большей достоверностью дату смерти поэта. Приведем некоторые из этих важных документов: они раскроют нам и объяснят многие загадочные обстоятельства судьбы поэта-подвижника.

В О ВСЕХ современных энциклопедиях, справочниках, комментариях А.М.Добролюбов аттестуется как «поэт-сектант». Однако И.П.Ярков в неопубликованной статье «Кем умер Добролюбов?», присланной им О.П.Вороновой 14 марта 1965 г., доказательно утверждает: «Добролюбов никогда не был сектантом в «чистом» значении этого слова. В данном случае он находится примерно в такой же позиции, как и Л.Н.Толстой. Общеизвестно, что были так называемые «толстовцы», и многие из них с сугубо ортодоксальным, подлинно сектантским уклоном. Но общеизвестно также и то, что сам Толстой не только не считал себя «толстовцем», но и решительно выступал против «толстовства» и писал об этом статьи».

«Нет спору, — продолжает убеждать Ярков нас, прочитавших книгу А.Эткинда, в которой поэт тоже рассматривается как сектант, — Добролюбов в свое время много содействовал стихийному оформлению в степях Заволжья секты добролюбовцев, своих последователей; не подлежит также сомнению, что было и такое время,

когда Александр Добролюбов был склонен играть роль верховного «понтифика» этой секты. Но не следует забывать при этом, что все это с его стороны было не более как увлечением, и увлечением скоропреходящим. Все это еще ничего не говорит о том, что сам он («брат Александр», как любовно именовали его повсеместно в народе) закоснел и закоснел в сектантстве. Мне представляется несомненным, что Добролюбов прежде всего был живой человек, ищущий и идущий вперед, способный не остановиться на достигнутом и не застыть в определенной позе «сектанта», но — двигаться вперед и искать. «Братья, не жалейте сил на вечной дороге!»

ЧТО ЭТО так, свидетельствует, например, тот немало важный факт, что в последние годы жизни он, как это видно из его писем к друзьям «добролюбовцам», оказался в состоянии критически пересмотреть свою главную книгу — «Из книги невидимой» (М., 1905, изд. «Скорпион») и решительно выбросить из нее весь, если можно так выразиться, мистический хлам («серафимов», «херувимов» и проч.). Книга значительно сократилась в размере, от нее остались приблизительно одна треть, но треть эта, вполне вероятно, написана в более или менее реалистической манере.

Не говорит ли это о том, что поэт не окоснел, а, продолжая совершенствовать и углублять свои взгляды, отказался от старых, мистических и, если хотите, сектантских воззрений? Сестра поэта В. Брюсова — Н. Я. Брюсова, в частности, писала мне, что из писем к ней поэта для нее стало несомненным, что в последние годы своей жизни он стал искать пути сближения с советской действительностью и даже интересовался, нельзя ли некоторые из его последних стихов «пристроить» в один из журналов? Вот вам и то самое «отречение» поэта от литературной деятельности, о которой, как о непреложном факте, пишет О. П. Воронова (вслед за Брюсовыми и другими. — Т. П.), автор статьи о Добролюбове во втором томе «Краткой литературной энциклопедии» издания 1964 года.

Не свидетельствует ли это о том, что в поэте был жив не «сектант», а ищущий, живой человек, стремящийся познать истину, способный, хотя бы на старости лет, бесстрашно распрощаться со многим из того, что некогда принимал за незыблемую основу своей жизни?»

3. Письма приговоренного к смерти

В ТРЕХ сохранившихся письмах И. П. Яркова к О. П. Вороновой исследователи личности Добролюбова также почерпнут немало бесценных свидетельств. Кроме того, приоткроются драматические подробности поистине работы энтузиастов, по крупицам восстанавливавших историю жизни и смерти первого русского символиста. Вот эти письма:

«4 ноября 1965 г. — Куйбышев.

Уважаемая Ольга Порфирьевна! Фотографию получил. Большое спасибо.

Смерть косит людей, и остается очень и очень мало из тех, кто видел «живого» Д<обролюбо>ва и хорошо его знал. Те же, кто по идее должны были бы быть наследниками, восприимчивыми его живого, ищущего духа, те с течением времени утратили к нему всякий интерес и, не приобретя взамен ничего нового, превратились или в горелые пни, или же, по слову одной старинной книги, вызывающей к себе до сих пор неослабленный интерес и побуждающей людей спорить, — превратились в слегка «тепленьких», то есть по нашей терминологии равнодушных. «Знаю я тебя, — говорится в этой книге, — ты не холоден и не горяч. О, если бы ты был холоден или горяч!»

В качестве «тепленького» один из таких бывших почитателей нашего поэта вот уже более года

обещается разыскать и принести мне несколько стихотворений Д<обролюбо>ва, — и все тянет, тянет и не несет. Развилась в людях какая-то необъяснимая духовная лень, род бывшей обломовщины, какое-то отсутствие любознательности. Одно из этих обещанных стихотворений — «О революции» или «К революции», другое — «Я памятник воздвиг, но не себе — народу» (это не то, что Вы мне вручили, а более ранняя версия) и, наконец, третье — называется «Дно» и начинается словами: «Тебя я видел, дно, на дне мелькали люди...»

Этими стихотворениями заинтересовался директор одной из местных средних школ, одно из них он даже наговорил на магнитофонную пленку. По всей видимости, это был «мужик» с головой, с развитием, с литературным и всяческим интересом, но он очень сглупил: взял да и умер.

Этот мой приятель — «Обломов» — также безуспешно разыскивает у себя куда-то запропастившийся экземпляр Д<обролюбо>вских «Манифестов людей телесного труда». Пока не нашел. Мешает отсутствие накала, горячности, качество посредственной теплоты. Да и возраст.

Все это, Ольга Порфирьевна, не надо было бы искать. Все это было у меня и, надеюсь, продолжает быть, то есть храниться в соответствующем архиве. Вот только беда, что все это никому недоступно. На днях я разыскал как-то случайно уцелевший от разгрома один листочек «Манифестов», самое начало с комментариями моего старого друга, большого умника, человека с литературным дарованием (окончил институт журналистики), полиглот и лингвиста, погибшего в 1937 г. То, что уцелело, тем и делюсь с вами. Но только это не более как жалкий фрагмент. Полный экземпляр «Манифестов» с моими комментариями хранится у них. Другой экземпляр их (манифестов), тщательно и, как говорится, научно прокомментированный мною совместно с моим погибшим другом, к сожалению, по нелепой, дикой случайности был предан огню в Ташкенте, где я был в ссылке. Я запрягал его в печную трубу. Дело было летом, печь не было надобности топить, и я думал, что это сохранится от чересчур любопытных взоров некоторых людей. Не тут-то было: приехавшим к нам родственникам моей жены понадобилось для чего-то в наше отсутствие затопить печь. Они вынули сверток, приняли его за простую затычку и — сожгли. Я чуть не плакал, когда узнал об этом. Там были не только «Манифесты», но и другие любопытные и ценные с литературной точки зрения вещи. Бывают же в жизни вот такие необъяснимые и глупые случайности!

Вот этот «фрагмент»:

«Манифесты людей телесного труда (первый и второй)». Подлинник написан химическим карандашом, на писчей линованной бумаге, на обеих сторонах листа, без прописных букв, отрицаемых автором. «Не» с глаголом писано вместе. Орфография новая, кроме десятиричного «i». В прямые скобки (комментатором) взяты слова, имеющиеся в подлинной рукописи, но отсутствующие в позднейших редакциях.

Вставка: «Какая бы то ни было мысль, слово или действие, где бы они ни были произнесены, если в них блеснул свет действительно «нового», безграничного движения вперед, — первое рождение тех высших истин — в пастушеском вертепе согласно древнейшим преданиям древности, то есть в рабстве труда. Все то, что принесло высшую пользу для внутренней или наружной жизни, — или было заимствовано и истолковано, или грубо украдено — представителями разума у представителей труда. Большинство достигавшего до сих пор людей света есть отраженный свет. Впрочем, он не только отраженный, но — что еще гораздо главней — он и искаженный свет».

Это все, что у меня сохранилось. Остальное — у них. И как до всего этого добратся, ума не приложу.

Поверьте, О. П., я отнюдь не переоцениваю значение своего архива для «добролюбоведения», а в

смысле того, что я писал о нем, отнюдь не претендуя на какие-то неслыханные откровения или новые слова. Но все же я твердо убежден, что мой архив с литературной точки зрения имеет определенную ценность, и когда-нибудь будущий Штурм доберется до него так же, как добрался в наши дни до «потопленного Радищева» (Г. П. Штурм, автор книги архивных изысканий «Потопленный Радищев». — Т. П.). Может быть, тогда не только укажут на мои ошибки и не только посмеются над моей литературной и всяческой другой наивностью, граничащей с безграмотностью, но и скажут покойному (сиречь — мне) доброе слово.

О. П. ВОРОНОВА
г. Кисловодск, 1953 г.

Но все это — дело будущего, быть может, даже отдаленного будущего. А сейчас — сейчас приходится припомнить только хорошие слова, содержащиеся в «Талмуде»: «Нам дано трудиться, но не дано завершать труды наши».

Несколько слов о себе, если это, понятно, покажется Вам небезынтересным.

В отличие от описанной выше породы «тепленьких» и «горелых пней», я до сих пор, к великой своей радости, не утратил еще душевного пыла. Это меня и спасает, хотя мне идет уже 74-й год. Известный французский философ, писатель и общественный деятель Жан-Поль Сартр развил на этот счет довольно своеобразную концепцию. Сущность ее передаю, как могу, своими довольно неуклюжими словами.

Человек от существования в животной форме (экзистенции) переходит к обретению собственной сущности (субстанции) тогда, когда обретет свой «ангажемент», то есть состояние занятости. Когда, как это было раньше, актер в дни Великого поста заключал контракт с антрепренером, получал «ангажемент», он становился на этот сезон «занятым». «Я ангажирована», — говорила в подобных случаях та или иная артистка. То же самое, вероятно, бывает и в приглашении к танцу. Певица говорит: «Я занята».

В этом состоянии «ангажированности», занятости человек, по мысли Сартра, обретает свою сущность — истинную сущность души.

К большому своему удовлетворению, я уже давно заключил прочный контракт с Великим Антрепренером, управляющим судьбами людей. За этот свой пожизненный и «неизлечимый» ангажемент, то есть за состояние непрерывной занятости, делающее меня и до сих пор еще не окончательно старым, я всю жизнь расплачивался — неудачной судьбой, лишениями, огорчениями, трудовой и политической дискриминацией, в молодости носил кандалы, в более зрелом возрасте провел однажды 42 дня в камере смертников в ожидании приведения приговора в исполнение. Все это и многое другое выработало своеобразную закалку, которую многие не без основания называют «сталинской». Эта внутренняя закалка очень помогает жить и не стариться. Один мой московский приятель, старый большевик, сам прошедший 18 лет на Колыме и чудом уцелевший и вернувшийся, сравнил меня однажды с... протопопом Авваку-

мом. Он боялся этим меня обидеть, но эти его слова показались мне очень лестными.

В общем, то состояние «одеждаемости», которым я «болен», по существу очень и очень неплохое состояние. Оно не позволяет мне сидеть на лавочке у ворот, грызть семечки и перемывать косточки своих ближних. Что касается здоровья «сомы», или, по-другому, физического здоровья, то у нас с моей М. В. пока еще глаза смотрят, уши слушают, ноги бегают и неустанно заботятся то об одном, то о другом. Эта «забота о судьбе ценностей» нас и поддерживает и спасает.

Простите за длинное и бесполое письмо. Не считите мои излияния за род бахвальства или за выражение самодовольства.

Привет Александру Александровичу (Кулешову. — Т. П.) и вашему другу — кошечке.

Поздравляем с праздником Октября.

Известный Вам И. Ярково.

«8 янв<аря> 1966 г.

Уважаемая Ольга Порфирьевна! Поздравляю Вас и А. А. (Кулешова. — Т. П.) с Новым годом.

Я зачастил Вам писать, но чувствую, что мои письма Вам неприятны. Вы только мне намекаете, и я немедленно прекращаю переписку. Она может Вас известным образом «шокировать» или компрометировать.

Посылаю Вам два стихотворения А. Д<обролюбо>ва.

Удалось снять копии с двух его писем (открытки) петербургского периода и с одной открытки, подписанной — В. Добролюбов. Кто это такой, я не знаю.

Сюда поступил архив поэта Бера Бориса Влад<имировича>. М. Горький называет его — «талантливый поэт и переводчик Борис Бер». Обнаружено более 20 писем Горького к этому Бери. Между тем в «Краткой литературной энциклопедии» это имя вовсе не существует. Помимо упомянутых двух писем «раннего» Д<обролюбо>ва, есть еще письма и о нем, довольно любопытные.

И. Я.

«16 июля 1967 г.

Уважаемая Ольга Порфирьевна!

Против использования присланных Вам мною в разное время материалов для статьи о Добролюбове не возражаю, только бы не было вранья. Это я говорю не в плохом, а в хорошем смысле этого слова, ибо потребность и привычка приврать — профессиональная особенность любого журналиста (в том числе и моя, как бывшего журналиста).

Скажу несколько слов о стихах Добролюбова, написанных им для народа (И. П. Ярково прислал О. П. Вороновой машинописную рукопись составленного им в 1965 г. сборника Добролюбова «Для народа. Стихи и песни, написанные для народа и нигде не напечатанные» с дарственной надписью: «О. П. Вороновой в знак сердечной признанности». — Т. П.). С обычной, традиционно-литературной точки зрения эти стихи «плохие», как и сказала мне о них одна моя московская приятельница — интеллигентная женщина. Отчетливо сознавая, что стихи пишутся им (Добролюбовым) совершенно для другой аудитории, нежели обычная литературная среда, в которой он раньше вращался; сознавая, далее, что в мнении своих бывших друзей типа А. Блока, В. Брюсова и других эти его (народные) стихи стоили бы не слишком дорого (вернее, их сразу бы забраковали); заранее, нарочито стремясь отвлечься от всякой литературной формы в сторону безыскусственности, «брат Александр», насколько мне известно, настойчиво и непрерывно противился опубликованию их в печати. Он не раз и не два предупреждал на этот счет своих ближайших последователей из народа о необходимости всячески избегать передачи этих стихов в «интеллигентные» руки, «образованные». Это и понятно, так как по своей специфике стихи Д<обролюбо>ва «для народа» резко разнятся от обычных, печатаемых в журналах, стихов профессионально и квалифицированно «поэтических». Но можно уверенно сказать, что ту аудиторию (самые низы народа),

на которую их автор рассчитывал, когда писал эти стихи, — эту аудиторию его стихи вполне удовлетворяли. Это тем более так, что, как я уже писал об этом раньше, каждое свое новое стихотворение Д<обролюбо>в неизменно сопровождал своеобразным напевом и тут же его пропевал. Напев этот прочно закреплялся за данным стихом.

Будучи в Москве весной этого года, я познакомился с очень интересным, безусловно выдающимся человеком. С его помощью мне удалось осуществить свою давнюю мечту — записать добролюбовские напевы на магнитофонную пленку. (Кстати, при первом же знакомстве с этим лицом мы с ним как-то даже сдружились, обнаружив изрядное «сродство душ», а главное — общность интересов.) Но беда в том, что напел я ему стихи «брата Александра» своим старческим дребезжащим и даже как бы гнусавым голосом (как деревенский дьячок). Вам понятно в этом смысле, что мои певческие данные более чем невысокие и в этом смысле я далеко не Лемешев. Пленку эту я увез с собою, она сейчас у меня. И если оставить в стороне момент исполнения (мой весьма скверно и отвратно звучащий голос), за одно могу дать более или менее твердое ручательство: напевы стихов выражены мною правильно, без особых искажений, в том самом «виде», как я неоднократно слышал их на «братских» собраниях. Так что в этом смысле волновавший меня вопрос о «вечности» частично решен. Можно было бы при желании еще раз перепеть эти стихи на магнитофон в сопровождении нескольких голосов (подобие хора), но, к сожалению, у меня такой возможности нет, так как магнитофонную пленку (ленту) очень трудно добыть; магнитофон можно было бы взять напрокат. А я придаю большое значение вопросу о пении этих стихов. В частичное развитие этой темы позволю себе приложить при этом некоторые свои соображения, сходящиеся с мнением авторитетных исследователей. (См. приложение № 1.)

Что касается вопроса о том, каким образом я собирал эти стихи и насколько текст их «каноничен», скажу следующее. Одно время (еще в середине двадцатых годов) в моем распоряжении по счастливой случайности очутился рукописный сборник этих стихов, переписанный явно интеллигентным почерком (но то не была рука самого Добролюбова). Я тогда же все до единого выписал их из этого сборника. Там же была рукопись одного малоизвестного произведения Добролюбова — «Мои вечные спутники», по времени написания относимая примерно к 1911 году. К величайшему моему сожалению, этот сборник мне у себя удерживать не удалось, а его владелец поступил с ним довольно легкомысленно, о чем впоследствии сам не раз сожалел.

Я уже, как говорится, имел честь поставить Вас в известность о том, что мне приходилось по обстоятельствам, от меня не зависевшим, не раз и не два возобновлять свои записи стихов Добролюбова и вообще интересовавших меня сектантских лирических духовных стихов. Во что мне это обошлось, позволю более пространно изложить еще в одном приложении к настоящему письму. (Пусть это будет приложение № 2.)

Последующие записи стихов «брата Александра» приходилось делать с единичных, случайно сохранившихся рукописных песенных сборников, написанных, как правило, в ряде мест и неразборчиво и рукой малограмотного писца. Мои друзья добролюбовцы как могли помогали мне восстановить верный текст, так что я могу ручаться, что значительных расхождений с авторским прототипом того или иного стиха (а, как общее правило, они не сохранились) вряд ли можно найти. Текст каждого стиха мною каждый раз проверялся, разночтения оговаривались.

13 авг<уста> 1967 г. (Продолжение письма от 16 июля. — Т. П.)
Поэт Ник. Клюев никаким отношением к добролюбовскому движению не имел. Это человек с крепкой старообрядческой заквас-

(Продолжение на с. 34.)

СВЯТОЙ РУССКОГО СИМВОЛИЗМА

(Продолжение.
Начало на с. 31–33.)

кой. Если верить свидетельству Александра Блока, Клюев «из богатой старообрядческой семьи — рязанец. Клюев в молодости жил в Рязанской губ. Встречался ли (и когда) Клюев с Добролюбовым, мне неизвестно. Он (Клюев) на 9 лет моложе Добролюбова. Меня заинтересовало только сходство сюжета в одном из стихотворений («Он придет, Он придет, и смятутся народы...» — Т.П.). Правда, там, у себя на Севере, Клюев принимал какое-то участие в организации «вологодских братьев», которые, по его словам, пели даже на своих собраниях некоторые стихи Александра Блока (по предположению последнего, из «Нечаянной радости»). Автор статьи о Клюеве в «Краткой литературе» энциклопедии» (т. 3, стр. 607) утверждает, что «в начале 30-х годов Клюев был выслан в Нарым». Причиной высылки, по моему непроверенному предположению, послужило одно ходящее до сих пор в списках стихотворение, «посвященное» Д.Бедному и до сих пор незаслуженно приписываемое С.Есенину. Судя по тому, что Клюев умер в 1937 г. на Сибирской железной дороге, можно сделать вывод, что он, в числе других, пал жертвой «культы» (Клюев расстрелян 25 октября 1937 г. — Т.П.).

Прошу извинить за бессвязное письмо. И притом с таким разрывом в числах. Сейчас живу в обстановке, не располагающей к углубленной, сосредоточенной работе ума, которую раньше называли «духовной». И даже затрудняюсь сказать, изменятся ли обстоятельства в этом смысле к лучшему.

С приветом и лучшими пожеланиями.

И.Ярков.

Приложение № 1.

Во многих случаях известное число включенных в сборник народных (в частности «хлыстовских») духовных песен может неприятно удивить неподготовленного читателя своей «серьезностью», отсутствием литературной школы, известной степенью идейной и смысловой беспомощности. В связи с этим могут задать по-своему вполне резонный вопрос: с какой стати такие заведомо слабые стихи включать в сборник?

Рассуждающие подобным образом забывают, что сила каждого из включенных в сборник стихов — именно в НАПЕВНОСТИ, в его песенном, порой очень ярком и ритмичном звучании. Исполняемые в голос, в хоре, самые на первый взгляд невзрачные и бесцветные стихи сразу преображаются, приобретают недостающую им полноценность, звучат по-настоящему стройно и празднично. Таково уж вообще свойство народного песенного материала — и не только специфически сектантского, — что свою подлинную весомость и полноценность любой народный стих получает не иначе, как только через напев. В отрыве от напева, от песенного звучания и ритмики, стих, безусловно, и много, проигрывает. И с этим нельзя не считаться.

В специальной литературе возник даже спор: можно ли изучать словесный текст народного стиха отдельно от его музыкального оформления? И вполне правильно и закономерно, что опыты раздельного изучения стиха и его музыкального звучания «вызывают резко отрицательное отношение со стороны и музыковедов и фольклористов, принципиально отвергающих самую возможность раздельного изучения текста и напева песен, в особенности на материале протяжных песен» (И.И.Земцовский. О взаимосвязи текста с напевом русской протяжной лирической песни. Русский фольклор. Материалы и исследования. Т. 5. М.—Л., 1960).

Именно такого взгляда на народный песенный материал придерживается, в частности, и составитель сборника «Народные лирические песни» проф. В.Я.Пропп (Л., 1961). Чтобы правильно понять и оценить народную песню, — пишет названный автор, — надо всегда иметь в виду, что песни, создаваемые народом, назначены не для чтения. Но вместе с тем они не похожи и на наши романсы, то есть стихотворения, положенные на музыку композиторами. В подлинной фольклорной песне напев и слово представляют собой изначальное, органическое и неразрывное единство.

Надо ли говорить о том, что сказанное целиком можно (и должно) отнести и к специфике так называемого духовного стиха. (Равно как и к специфике стихов А.Добролюбова, написанных для народа.)

Приложение № 2.

...В этой связи — несколько слов по личному вопросу.

Составитель сборника песенным наследием сектантов, их духовными стихами, интересуется далеко не со вчерашнего дня и не случайно. Его интерес глубже, значительнее. В самом деле: среди бесконечного разнообразия человеческих интересов и вкусов не всем же в часы досуга поголовно сидеть у телевизора, увлекаться футболом или кино! Вполне естественно и логично, что должен найтись хотя бы единственный, «укольный», как говорят в народе, «болешиш» и собиратель подобной формы стихов. И казалось бы, это его занятие, взятое само по себе, не может быть признаваемо чем-то особенно «вредным» или «опасным».

Не тут-то было! За свое «пристрастие» к собиранию духовных стихов местных сектантов составитель был в свое время, как водится, репрессирован, а все, что ему удалось к этому времени собрать, погибло в специальных архивах или же было просто-напросто сожжено. Приходилось затрачивать много лишних усилий, чтобы вновь и вновь постепенно восстанавливать утраченное. Время от времени приходилось буквально «охотиться» за тем или иным редким старинным стихом, торопясь успеть записать его, пока немногие знающие его люди (старинки) не перешли еще в мир, «идеже несть ни печали, ни воздыхания». И это все потому, что работающие в специальных «органах» лица до сих пор не могут усвоить ту простую, в сущности, истину, что нельзя ставить знак тождества между субъективным и объективным: между специфическим сектантским интересом, с одной стороны, как моментом субъективным, и между интересом научным, познавательным — будь то интерес фольклорный, этнографический или литературоведческий, — с другой стороны, как моментом безусловно объективным.

Не исключено, что, находя моральную поддержку и понимание у Станиславского и его школы, составитель временами и сам был способен «переволноваться», то есть глубоко проникаться настроением некоторых отдельно взятых стихов и особенно — полюбить пришедший «по душе» редкий и душевный напев того или иного стиха. (Я уже не говорю о том, что некоторые стихи, вообще говоря, издавна, а порой даже с детства, являются частью моей души.) Составитель находит себе некоторое оправдание при этом в том, что он — человек, и ничто человеческое ему не чуждо. Но, вместе с тем, было бы глубоко ошибочно думать, что составитель сборника — сам по себе «сектант» определенного направления и на этом основании (в наши дни) подлежит поруганию и осмеянию.

Записывая и, как это говорится, творчески осмысливая любой духовный стих, ища его основания и истоки, составитель прежде всего стремится к тому, что можно было бы условно назвать «общесектант-

ским». А отсюда уже недалеко до «общерелигиозного», «общечеловеческого» и, пожалуй, не будет греха сказать, и до «общекультурного». У нас в этом смысле охотно забывают, какое глубокое содержание можно (и должно) вложить в известное выражение В.И.Ленина: «Коммунизм можно стать ЛИШЬ ТОГДА, когда обогатишь память знанием всех тех богатств, которыми располагает человечество» (по памяти).

К слову. Влад. Дм. Бонч-Бруевич всю сознательную жизнь провел в живом и многообразном общении с сектантами различных направлений. В свое время он собрал и издал, в числе других подобных материалов, «Животную книгу духоборцев» — редчайший в наши дни памятник лирически-песенного наследия указанного направления в народе. Его жена, известная революционерка и общественная деятельница, санитарный врач В.М.Величина, тоже много внимания и сил в жизни уделила общению с сектантами. И что же? Обвинил ли их кто за это в «сектантстве»? Приписал ли им кто специфически «сектантский» интерес? А ведь в числе близких названного исследователя и его жене были такие люди, как В.И.Ленин, Н.К.Крупская!..

И еще одна любопытная подробность, касающаяся «личного вопроса» составителя сборника.

Постоянно находясь «под давлением» у «властей предрешающих» и время от времени подвергаясь в этой связи тем или иным репрессиям, составитель сборника, казалось бы, должен пользоваться особым расположением тех, кто, главным образом, предоставляет ему необходимый материал для его труда: так называемых сектантов.

Обнаруживается, однако, что и здесь далеко не все благополучно. И в глазах сектантов составитель сборника по существу такой же «чуж-чуженин», как и в глазах тех или иных представителей нашей общественности. Многие из них (сектантов) искренне считают, что он (составитель) «работает для государства». Расшифровывается это так, что составитель — не иначе как доносчик, провокатор, тайный агент. А если и собирает стихи, то не иначе как по специальному заданию властей, будучи ими таким образом как бы подкуплен.

Как ни обидно бывает подчас испытывать подобное недоверие, с ним приходится считаться как с реальным фактом.

Получается так, что, занимаясь своим делом, составитель сборника в смысле опоры и общественного признания испытывает состояние некоторой «невесомости», а яснее сказать — состояние двойной отчужденности: он едва ли не в одинаковой мере чужд как основным устремлениям советской общественности, так и типичным взглядам сектантов.

И.Ярков.

4. УСЛЫШЬТЕ, ПОТОМКИ!

ИСКРЕННЕЕ стремление Добролюбова к восстановлению, хотя бы частичному, былых связей с друзьями юности отразилось в его письмах и открытках конца тридцатых — начала сороковых годов (напомню: когда его уже «похоронили»). Они также оказались в архиве О.П.Вороновой. Приведу эти редчайшие тексты (с сохранением «опрошенной» орфографии автора).

«Вместо телеграммы т. Миклашевский привет

Я жив здоров, есть желание иметь иногда письменную (и не письменную) связь, в Москве ли вы, вы предполагали выезд в Среднюю Азию — отвечайте Тертер (район Азербайджана) художнику Судакину А. с передачей мне

жму руку
известный вам А.Добролюбов передайте т. Вересаеву (если ему нужно)»

На штемпелях открытки — даты: Тертер — 2.4.39; Москва — 9.4.39

«Письмо наружное товарищ Миклашевский письмо от известного вам брата Александра

извещаю о себе — я остановился (во всяком случае, до весны) в Кельбеджарах (самый глухой район Азербайджана), желание наладить с вами опять связь (хотя бы письменную), пишите — буду отвечать подробно и есть кой-чего спросить, я вам писал летом раза 2 — вы не отвечали — поэтому не пишу — жду ваших 2, 3 слов, нет — пишите больше

помнящий вас известный вам Александр Добролюбов 16.XII.39 Кельбеджары»

На этих же листах из школьной тетради приписано карандашом: «пишите новости вашей жизни и вообще умственной жизни стран мира, здесь мне почти ничего не слышно

посылаю вам стихотворение». Далее идет текст стихотворения «Я памятник воздвиг тебе, рабочий мира...», а затем приписка снова чернилами: «просьба передать прилагаемое письмо сестре Иоанне Брюсовой». И снова карандашом: на отдельных страницах:

«сестра Иоанна привет

после года молчанья вздумал написать, да — этот год был мне так тяжел, что раньше настоящего времени я не имел досуга возобновить связь с вами (не только с тобой, сестра, вообще все живущее там на севере — в Ленинграде и Москве объединяются в моем воображении в одно целое как жители городов — верней как представители умственного мира, я пока живу слишком далеко от него, может быть мне даже опасно жить около него), останавливаю мысль, дело не в этом, сообщая вкратце о себе — после года жесточайших разных неприятностей и даже ударов судьбы я наконец остановился в самой глуши Азербайджана, здесь для меня сейчас подходящие условия — подходящая работа (хотя чрезмерная, работаем сейчас зимой от света до света), подходящий заработок и есть и некоторый уют, живу надеждами будущего — создать и для себя лично какую-то безопасную жизнь (опять мысль уклоняется), вот и вспомнил о тебе Иоанна как одну из сестер утра дней моих, пишите о своих новостях — отвечу подробно (здесь часть текста неразборчива.)

п/с <постскриптум> да, вот 2 просьбы

пришлите мне том избранных вещей Валерия и если возможно Рамбо на французском или переводы из него (желал бы я точней описания конца жизни и всей жизни его но не надеюсь что есть настоящие исследователи таких полных опасностей подводных рифов)

привет еще раз 23/XII Кельбеджары

адрес мой

Азербайджан Кельбеджары (район Азербайджана) стройконтрарика Добролюбову А-ндру»

ИНТЕРЕСНЫЕ (и новые) факты содержатся в письме племянника Добролюбова Г.Е.Святловского, присланном из Ленинграда О.П.Вороновой в пору ее активных разысканий о судьбе поэта:

«Многоуважаемая Ольга Порфирьевна!

Минуту назад я закончил, наконец, разбор архива и писем А.М.Добролюбова. По всей вероятности, это еще не все. Возможно, кое-какие письма и документы будут мною обнаружены позже, при просмотре и разборе книг уцелевшей библиотеки. При этом письмо отправляю также письмо моей матери, оставленное мне для отправки перед отъездом в Пярну (может быть, это опубликованная вещь «Справка из жизни»? — Т.П.). Письма от старшей сестры маминой пока нет, так что спешу сообщить все, что я узнал при раз-

боре архива. Мама пишет вам верно, что последнее письмо дяди было в декабре 1943 г. Нашел открытку со штампом почты 18/XII-1943 г. Л<енинград>, написанную Александром Михайловичем из Азербайджана со станции Уджары Закавказской ж.д., датированную им собственноручно 2 декабря 1943 г. Уджары. Открытка адресована на имя дворника дом 7 на Геслеровском пр. в Ленинграде, где мы жили во время блокады Ленинграда. Содержание: «Очень прошу дворника дома Геслеров, 7 сообщить мне, что ему известно о пребывании Ирины Михайловны Святловской (рожденной Добролюбовой), может быть вам известно, если она выехала — в каком направлении, убедительно прошу. Брат Ирины А.Добролюбов».

Таким образом, ошибочен лишь указанный мамой адрес: Еврах, до востребования. Мама, видимо, просто забыла.

Итак, вот, пожалуй, и все, чем я располагаю. Какие мысли и предположения вызывают последние сведения? Чем была вызвана смерть? При каких обстоятельствах погиб он? Видимо, ничего неизвестно. Ведь никого из близких и друзей не было рядом. А сестра, моя мама, была в осажденном городе, где потеряла двух сыновей и мужа, и не отвечала или отвечала очень редко.

Писем Ал<екса>ндра Мих<айловича> до(в<ольно>) много, но большей частью они кратки, раскрывают, как он сам пишет, кое-что «внешнее», но и это внешнее раскрывает внутреннюю жизнь его тех лет.

Во время своего пребывания в нашем доме в Ленинграде (с сентября по декабрь 1938 г.) дядя Саша сблизился с моим старшим братом Михаилом и, видимо, многим делился, уединяясь лишь с ним. Встречался он и с Вл. Гиппиусом, вероятно. Будучи в Ленинграде, живя у нас, я помню, приходил домой он с инструментами. Работал по кладке печей, выполнял и штукатурные работы и малярные, видимо. Этими же работами был он занят все время, будучи на юге. Для работы литературной, видимо, не оставалось времени или он сам решил вычеркнуть для себя эту сферу деятельности. Не знаю, но лишь предполагаю, что так. Однако, будучи у нас в 1938 г., дядя Саша просмотрел «Из книги невидимой» и многое вычеркнул, как неприемлемое. На титульном листе книги его рукой сделана такая запись: «Впервые просмотрено мной в 1938 г. во время приезда в Петербург, все показное откидываю (также все рабское), остающееся занумеровано, остальное все ненужное. АД. 1938 г. 10/XII». Этот экземпляр у меня, я его свято храню.

Кроме того, систематизации и прочтения требуют письма, переписанные в совокупности и хронологической последовательности. Они многое объясняют в последние периоды жизни А.М.Д. Найдена мною и рукописи, начинающаяся словами «Я предвижу, о отдаленнейший из потомков моих...» и далее на 17 страницах белые стихи и стихи разных, видимо, лет. Печатались ли они — не знаю. Напишите, пожалуйста, знаете ли Вы, судя по началу, что это за рукопись...» (Здесь письмо обрывается, но предполагаю, что было его продолжение. Если автор жив-здоров, пожалуйста, ответьте! — Т.П.)

В этом письме мы должны прежде всего обратить особое внимание на сведения, позволяющие назвать с немалым приближением к истине год кончины первого русского символиста. До сих пор мы встречаемся в этой загадке с изрядным разбросом мнений: в «Краткой литературной энциклопедии» обозначена О.П.Вороновой дата — 1940, впоследствии признанная и ею самой недостоверной; в биографическом словаре «Русские писатели» — 1945(?); в собрании сочинений В.Я.Брюсова — 1944(?) и т.д. и т.п. Приведенная Г.Е.Святловским последняя открытка Добролюбова дает основания установить условную дату смерти поэта: после 2 декабря 1943 г. Другие документы (если они есть), которые могли бы уточнить эту дату, мне неизвестны. Может быть, наша публикация возбудит новый интерес к этой загадке?

Тимофей ПРОКОПОВ.